

Н. Д. Кручинкина

Саранск, Россия

ЗНАКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс формирования полисемии лексем в рамках одного означающего при совмещении означаемых. Внутриязыковой процесс развития первичных значений лексем описан в зависимости и от влияния логико-семантических и этнокультурных причин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: полисемия; асимметрия; синкретичность; алгоритм; лексема.

Сведения об авторе: Кручинкина Нина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Мордовского государственного университета.

Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Полежаева, 44/3, каб. 725.

E-mail: ndk-07@mail.ru.

N. D. Kruchinkina

Saransk, Russia

SIGN REPRESENTATION OF THE DEVELOPMENT OF LEXEME VALUES

ABSTRACT. The article deals with the formation of the polysemy of lexemes within the boundaries of a single signifier when the signifieds are combined. Intralinguistic development of the primary values of the tokens is described in dependence from and with the influence of logical-semantic and ethnic-cultural reasons.

KEY WORDS: polysemy; asymmetry; syncretism; algorithm; lexeme.

About the author: Kruchinkina Nina Dmitrievna, Ph.D., Philology, Associate professor, Associate professor of the department for romance philology, Mordovian State University.

Развитие первичных значений лексем, как известно, в первую очередь проходит в рамках явления полисемии. В этом случае, исходя из двустороннего характера языкового знака, можно говорить, используя терминологию Ш. Балли, о языковом совмещении означаемых. Совмещение означаемых Ш. Балли определяет следующим образом "одно неразложимое означающее имеет несколько значений" [Балли 1955: 164]. Правда, при этом Ш. Балли имеет в виду не полисемию самих лексем, а составляющие аналитических или синтетических словоформ. Мы же, говоря о совмещении означаемых, в данном случае имеем в виду означаемое одного и того же знака.

В случае полисемии одно неразложимое означающее конденсирует в себе несколько означаемых, проявляя при этом принцип экономии языкового выражения, т. е. экономии в означающем. Эта экономия приводит к отсутствию симметрии между означаемым и означающим. В случае соблюдения принципа симметрии за каждым означающим закрепляется лишь одно значение знака. Это означало бы, в частности, отсутствие полисемии. Однако, как известно, такой вариант исключен, т.к. человеческой памяти невозможно было бы запомнить многие сотни тысяч, а то и миллионы означающих немотивированных знаков. Любому постигающему живой иностранный язык наиболее сложно запоминать акустические образы знаков, т.е. их означающие, когда они не имеют внутриязыковой семантической мотивации, т. е. не имеют внутриязыковых системных «опознавательных» признаков в виде суффиксов, префиксов, а в синтагматическом плане не мотивированы грамматически, семантически, лексически обоснованными дистрибутивными связями.

В языках как правило господствует внутрзнаковая асимметрия, асимметрия между полисемичным означаемым и единым означающим для всех значений полисемичного означаемого: при полисемии вся парадигма значений означаемого (семантемы, семемы) конденсирована в одном лексическом означающем – лексеме.

Об асимметричном дуализме лингвистического знака как **универсалии**, проявляющейся в полисемии, омонимии и синонимии говорит С. Карцевский. [Карцевский 1965: 85–90]. Асимметрию поэтому он считает правилом, связанным с креативной языковой деятельностью говорящих, с другими субъективными характеристиками, а также с динамичным характером самого языка и составляющих его знаков, ибо «если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток» [Карцевский, 1965: 85].

Совмещение означаемых можно отнести к проявлениям синкретизма. В. В. Бабайцева, представляя картину интерпретации явления современными лингвистами, называет, среди прочих, определение синкретизма (соединения) как синтеза значений [Бабайцева 1990: 447]. Однако в нашем случае, в случае совмещения значений в алгоритме полисемии можно вести речь о синкретизме означающего, который в силу концептуализации вторичных значений языкового знака как исходящих из одного ядерного означаемого формируется в языке во всем его содержательном объеме в рамках единого знака.

При совмещении означаемых в нашем случае, на наш взгляд, имеет место внутрзнаковый синкретизм означающего, в результате которого происходит усложнение структуры означаемого при сохранении непроизводной (первичной) формы означающего. А это приводит к внутрзнаковой асимметрии.

В рамках полисемии и при развитии первичных значений по метонимическому алгоритму, и при их развитии по метафорическому алгоритму имеет место внутрзнаковая асимметрия между означаемым и означающим: в обоих случаях одно означающее синтезирует в себе два и более означающих.

Совмещение означаемых в одном означающем находит место и в явлении омонимии. Однако, так как омонимия не связана с когнитивным процессом ее помещения под одно звуковое или графическое означающее, нас интересует в данном случае лишь явление полисемии, причем не только во внутреннем языковом проявлении, но и в связи с внеязыковыми факторами. Общеизвестно, что язык является социальным явлением, проявлением общественного сознания. Поэтому появление 1) новых лексических единиц, или 2) новых значений в уже имеющихся лексических знаках обязано а) появлению во внеязыковом субстрате новых субстанций, вызывающих необходимость их наименования в форме новых языковых знаков, а также б) возможности при этом вторичного осмысления первичных значений в рамках уже существующих означающих лексических знаков для наименования или идентификации новых денотатов.

Сознание этносоциальной языковой личности как номинатора в качестве отправной точки номинации и переосмысления уже поименованного имеет как фоновые знания об универсальной картине мира, так и о своем этнокультурном пространстве. Исходя из этих внеязыковых знаний и зафиксированного для отражения этих ипостасей картины мира лексического базиса конкретного языка, социальная языковая личность может креативно создавать вторичные обозначения денотатов для уже существующих языковых знаков, базовых для данного этнокультурного социума или универсальных для межэтнокультурных социумов географически большого межэтнокультурного пространства. В этом плане весьма значимым представляется факт использования идентичных логико-семантических алгоритмов в обозначении вторичных значений репрезентантов одной лексико-семантической группы как в рамках одного языка, так и в разных языках [Кручинкина 2014: 34–36].

Одним из важнейших алгоритмов означивания вторичных значений в рамках одного означающего является метонимический алгоритм. Рассматривая этот всем известный алгоритм создания в лексемах лексико-семантических внутризнаковых парадигм, можно определить его как семантическую деривацию первичных значений лексем или, используя термин Д. Н. Шмелева, как семантическую внутризнаковую эпидигматику. Д. Н. Шмелев считает, говоря об эпидигматике, что «семантическая структура каждого отдельного многозначного слова может рассматриваться как отражение иерархического вида отношений» [Шмелев 1973: 191].

Развитие значений лексем, т. е. формирование вторичных значений лексем, обозначающих субстанции с прямым обозначением предметных денотатов находится в тесной связи с частотностью использования этих лексем. Референциально эта частотность употребления зависит от того, насколько реалья, означаемая лексемой, присутствует в жизни того или иного этноса.

Одной из субстанций из класса неалкогольных напитков является кофе. Во Франции этот напиток широко распространен. Его пьют дома утром: – *Elle aurait tout de même pu me faire un café, pensa Jean-Philippe* (Mallet-Joris). *...le matin je prends une tasse de café noir* (DFLE). – *Moi, j'irai! dit Carole en versant le café dans les tasses* (Troyat). *Il reignait une bonne odeur de café dans l'appartement* (Simenon).

Кофе входит в жизнь французов не просто как любимый утренний домашний напиток. В результате его популярности его подают и в общественных заведениях. Поэтому в результате частого употребления этого вида напитка, в первую очередь в столице страны, возникла потребность и в такого рода заведениях, где любители этого напитка могли бы наслаждаться не только самим напитком, но и вкушать этот изумительный запах кофе, назначать там встречи, даже писать романы, как это было с Н. Саррот.

В жизни французского языка это отразилось в обозначении таких заведений под тем же именем, что и название напитка – *café*. Это означает, что язык в лице социальной языковой личности осмыслил содержание этого названия по метонимической стратегии «*содержимое* → *содержащее*», а в означаемом знака – в рамках одной формы по принципу синкретизма.

С концептуальной точки зрения в этом процессе означивания происходит развитие значения лексемы, обозначающей сам напиток – *café*, хотя и само это название является семантически производным (эпидигматическим – в терминологии Д. Н. Шмелева) [Кручинкина 1999: 56–59]. Тот факт, что для этого было использовано то же означающее, что и для обозначения самого напитка, на наш взгляд, связан 1) с аналитическим (не флективным) строем французского языка, 2) с принципом экономии в когнитивно-номинативной деятельности языкового сознания. Мы тем самым хотим сказать по пункту 1, что во флективном языке для этого с большой вероятностью в качестве означающего мог бы быть выбран словообразовательный дериват, например, как в русском: *сахар* → *сахарница*; *песок* → *песочница* (для детских игр).

Следы распространенной культуры кафе можно практически обнаружить в любом современном французском романе, повествующем о городской жизни. Приведем лишь некоторые примеры: *Ils passèrent devant deux ou trois cafés* (Le Clézio). *Cela lui rappela immédiatement le demi de bière chaude qu'il avait bu ainsi d'un trait dans ce café* (Sagan).

О степени распространенности кафе свидетельствует пример их художественной литературы – произведения современного французского писателя: *... il y a au moins un café par immeuble* (Le Clézio). Заметим употребление «по меньшей мере – *au moins*» во фразе (в нашем переводе) ... «по меньшей мере одно кафе в здании». Часто авторы романов даже указывают на местоположение кафе, в первую очередь в Париже, но также и в других городах Франции: *Elle alla s'asseoir dans un café des Champs-Élysées* (Triolet). *J'entrai au café de Bordeaux* (Mauriac).

Из той же современной художественной литературы узнаём, что это может быть и место встреч – *Il se lia, très jeune, au café Bréban avec un groupe de journalistes du Matin* (Modiano), и место, где в определенное время суток и в выходные дни обычно бывает много посетителей – *Place Saint-Germain-des-Prés, les cafés regorgeaient de*

consommateurs (Troyat). Поэтому обратная картина вызывает специальное замечание автора произведения: *Au café le monde semblait un peu absent...* (Triolet). Кафе вызывают в памяти героев и приятные, а подчас и ностальгические воспоминания: – *Ah! Boul' Mich, où es-tu avec tes cafés, tes lumières, tes gens qui vivent?* (Merle).

Во французском языке, как, собственно, и в любом другом языке имеется немало и других существительных, лексико-семантические варианты значений которых развиваются по метонимическому алгоритму.

Метонимия вместе с метафорой относится к семантическим разновидностям транспозиции, т.е. семантической деривации первичных значений лексем. Явление метонимизации существительных в лексикологии и семантике обычно связывают с развитием значений в рамках полисемии [Кручинкина 2014: 34–36].

Синкретизм означающих проявляется не только при развитии первичных значений лексем по метонимическому алгоритму, но и при их развитии по метафорическому алгоритму. Если метонимизация первичных значений наиболее частотно привязана к существительным, то развитие первичных значений лексем по метафорическому алгоритму больше характеризует класс глаголов: *Montrez-moi vos talents...* (Sagan). *De l'atteindre en ceux-là mêmes semblaient lui fournir le meilleur de ses arguments* (Bazin). *Edith leur donnait la réplique* (Bertheaut).

В целом ряде случаев метафоризация глагола-сказуемого в предложении имеет место только благодаря метонимизации подлежащего [Kroutchinkina 1998a; Kroutchinkina 1998b], т.е. является синтагматически обусловленной.

Метафора и метонимия как алгоритмы формирования вторичных значений лексем представляют феномен семантической транспозиции первичных значений лексем. Термин *транспозиция*, как о том свидетельствует и внутренняя форма термина, означает модификацию значения элемента синтагматической структуры под влиянием окружения. Ш. Балли, которому принадлежит введение этого термина, различает грамматическую и семантическую транспозицию. В его определении «всякое управление предполагает транспозицию» [Балли 1955: 138]. При семантической транспозиции первичного значения лексемы меняется ее лексико-семантическая дистрибуция: ср.: *la végétation tropicale / une chaleur tropicale* [Балли 1955: 131]. Тогда значение лексемы *tropicale* меняется при изменении лексико-семантического окружения. Во втором словосочетании прилагательное *tropicale* транспонирует свое значение, так как вступает в сочетаемость с именем другого лексико-семантического класса. В первом примере в сочетаемости с лексемой *végétation*, означающей собирательно растительность, по принципу семантического согласования семантический детерминатив означает вид растительности, связанный с климатической зоной тропиков. При изменении лексико-семантического окружения для *tropicale* меняется и ее синтагматическое значение. Исходя из семантической структуры значения лексемы *chaleur*, детерминирующей значение синтаксически подчиненного конституента словосочетания, лексема *tropicale* формирует свое синтагматическое значение в соответствии с семой, обозначающей температуру, которая характерна для зоны тропиков, т.е. содержит скрытое сравнение – метафору, которая относится к семантической транспозиции первичного значения лексемы *tropicale*.

Данный фактор наиболее ярко манифестируется в случае глагольной транспозиции первичных значений. Метонимический и метафорический алгоритм имеют каждый свою специфичность и вторичных значений лексем (соответственно, сигнификативную и денотативную). Разный характер транспонирования первичных значений двух главных частей речи – существительных и глаголов – связан с их онтологической сущностью.

Это объясняется тем, что глагол, будучи по своей синтаксической сути релятором, наиболее зависим в синтагматическом проявлении своей семантики от своих синтаксических детерминативов – актантов (*Le bébé boit le lait / Ce papier boit l'eau*), и в первую очередь от лексико-семантических характеристик второго актанта: *Ils se coupaient la parole dans leur empressément* (Troyat). *Folcoche me donne des leçons* (Bazin).

Содержательная сущность имени проявляется в обозначении субстанции, а глагола – в обозначении процесса, происходящего между субстанциями. Это значит, что имя морфологично по своей изначальной сущности, а глагол синтаксичен. Обращаясь к внутриязыковому плану, эту особенность существительного отмечают К. Кербрат-Орекиони и Д. Виллемс. Так, в частности, К. Кербрат-Орекиони отмечает, что «синтаксическое поведение глагола более показательно для проявления его сущности, чем синтаксическое поведение имени» [Kerbrat-Orecchioni 1979: 66]. Д. Виллемс считает, что «в изучении отношений между синтаксисом и семантикой глаголу отводится особое место. Синтаксически глагол характеризуется своей способностью фигурировать в большом количестве конструкций, в которых ему отводится организующая роль. Семантически глагол характеризуется тем, что он обычно выражает отношение. В то время как существительное обозначает, метафорически или прямо, субстанцию и глубоко погружено в реальную действительность, глагол и его соединения играют господствующую роль в сигнификативной структуре предложения» [Willems 1981: 8].

Вторичные значения лексем обогащают лексический состав языка. В связи с этим в определениях метонимии и метафоры на них указывается и как на средства развития значений лексем [Picoche 1977: 88; Lehmann A., Martin-Berthet 1998: 79–89; Niklas-Salminen, 1997: 150–153; Baylon, Mignot, 2000: 38, 95; Touratier 2000: 91–102; Кручинкина 1999: 56–59; Кручинкина 2003а: 175–176; Кручинкина 2003б: 127–129].

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева В. В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 447.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1955.

- Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. М.: Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 85–90.
- Кручинкина Н. Д. Логико-семантический универсализм в метонимической деривации значений (в сравнении французского и русского языков) // Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике. СПб, 2014. Вып. 5. С. 34–36.
- Кручинкина Н. Д. Пропозитивный контекст как способ актуализации значения конstituентов // Информативная динамика текста в коммуникации. Саранск: МордГУ, 1999. С. 56–59.
- Кручинкина Н. Д. Семантическая основа развития метонимических значений существительных // Языки в современном мире. Международная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. НОПриЛ. Саранск, 2003а. С. 175–176.
- Кручинкина Н. Д. Синтагматически обусловленная метафора в пропозитивной синтагме // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Матер. междунар. науч. конф. В 2 ч. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003б. Ч. 1. С. 107–108.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
- Baylon C., Mignot X. Initiation à la Sémantique du langage. P.: Nathan, 2000.
- Kerbrat-Orecchioni C. De la sémantique lexicale à la sémantique de l'énonciation. Lille: Univ. de Lille III, 1979. En 3 t. T. 1.
- Kroutchinkina N. Symbolisme métonymique et impressionnisme métaphorique dans le syntagme propositionnel // XXII Congrès international de linguistique et philologie romanes. Abstracts. Bruxelles, 1998a.
- Kroutchinkina N. Transposition sémantique des constituants dans le syntagme propositionnel // Proceedings of the 16th International Congress of Linguists. Oxford: Pergamon, Oxford, Paper, 1998b. №. 0264.
- Lehmann A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. P.: Dunod, 1998
- Niklas-Salminen A. La lexicologie. P.: Armand Colin/Masson, 1997.
- Picoche J. Précis de lexicologie française. P.: Nathan, 1977.
- Touratier C. La sémantique. P.: Armand Colin/ HER, 2000,
- Willems D. Syntaxe, lexique et sémantique. Les constructions verbales. Gent: Rijkuniversitet te Gent, 1981.